

М. И. Рухмаков*

**СТРАНИЦЫ РУССКОЙ «АВГУСТИНИАНЫ»:
Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ И И. В. ПОПОВ**

В статье рассматриваются два подхода к изучению личности блаженного Августина в магистерской диссертации философа и правоведа кн. Е. Н. Трубецкого «Мирозерцание блаженного Августина» (1892) и докторской диссертации профессора Московской духовной академии И. В. Попова «Личность и наследие блаженного Августина» (1916). Подчеркивается, что оба автора связывали своеобразие взглядов гиппонского епископа с его оригинальным религиозно-философским мировоззрением, однако, если Трубецкой пишет о социальной обусловленности мирозерцания Августина, то Попов делает акцент на внутренних психологических особенностях личности христианского мыслителя. Специальное внимание уделяется местам из биографии Августина, по которым оба отечественных исследователя расходились во мнении. Отдельно отмечается, что монография И. В. Попова об Августине, несмотря на свою несомненную значимость для истории русской патристики, до сих остается фактически лишенной отдельного подробного исследования.

Ключевые слова: философское наследие блж. Августина, русская патрология, борьба христианства с язычеством, теократия, манихейство.

Rukhnikov M. I.

PAGES OF THE RUSSIAN «AUGUSTINIANA»: E. N. TRUBETSKOY AND I. V. POPOV

The article examines two methods to the study of the personality of St. Augustine in the master's thesis of the philosopher and jurist E. N. Trubetskoy «Worldview of St. Augustine» (1892) and in the doctoral's thesis of professor of the Moscow theological academy I. V. Popov «The personality and legacy of St. Augustine» (1916). The article notes that both authors linked the uniqueness of the views of the Bishop of Hippo with his original religious and philosophical worldview, but if Trubetskoy writes about the social conditionality of Augustine's worldview, then Popov focuses on the internal psychological features of the personality of

---

* Рухмаков Матвей Игоревич; аспирант кафедры истории русской философии философского факультета; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; boratdo18@gmail.com

a Christian thinker. Special attention is paid to places from Augustine's biography on which both domestic researchers disagreed. The author submits that Popov's book on Augustine, despite its undoubted significance for the history of Russian patristics, remains virtually devoid of a separate detailed study.

Keywords: St. Augustine's philosophical legacy, Russian patrology, the struggle of Christianity with paganism, theocracy, Manichaeism.

1

Личность и философское творчество Аврелия Августина, епископа гиппонского (354–430) по прошествии многих веков остаются крайне востребованными не только у узкого числа специалистов, но и в целом внутри мирового философского и теологического сообществ. Современный исследователь Дж. Хейкинг в своей книге об Августине исчерпывающе ответил на вопрос, почему фигура христианского мыслителя спустя полторы тысячи лет по-прежнему вызывает неподдельный интерес: «Первая и непосредственная причина заключается в том, что он является одним из основателей западной интеллектуальной традиции, и западная цивилизация черпает свою форму из его мыслей» [8, р. 1]. Относительно же внутрироссийской ситуации можно говорить о постепенном возникновении в нашем интеллектуальном пространстве своего рода спонтанного «августинизма», начиная с конца XVII в. — на волне серьезного сначала католического, а позднее и протестантского влияния в области научного богословия**.

Пик русской «августинианы», безусловно, пришелся на вторую половину XIX — начало XX в. — именно в этот период российские патрологи и медиевисты начинают активную работу по самым разным направлениям обширного августинова наследия. К отдельному направлению можно отнести и биографическое. Поскольку Августин несомненно представляет собой особый тип личности — неординарной и рефлексирующей, прошедшей сложный жизненный путь, являющейся одновременно памятником своей эпохи и выделяющейся из нее. Это подтверждает стабильный даже в наши дни интерес в исследовательской литературе к уточнению подробностей жизни мыслителя, регулярный выход новых биографических монографий о нем.

В числе первых авторов, попытавшихся показать взаимосвязанность августиновой личности со своеобразием его религиозно-философских взглядов, был кн. Е. Н. Трубецкой (1863–1920), который посвятил духовной эволюции и формированию взглядов Августина отдельную главу в своей магистерской диссертации «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание блаженного Августина» (1892). Еще одна заметная попытка реконструкции взглядов Августина через призму его личности была предпринята в докторской диссертации «Личность и наследие блаженного Августина» (1916) профессора Московской духовной академии, крупного

---

* Подробнее о ходе изучения наследия блж. Августина в России см. обзорную статью прот. Павла Хондзинского [5].

богослова и патролога начала века, будущего новомученика Ивана Васильевича Попова (1867–1938). Его грандиозный и не дошедший до нас полностью* 800-страничный труд об Августине до сих пор остается незаслуженно обделенным специальным вниманием исследователей** притом, что книга была высоко оценена современниками — за нее Попов был удостоен почетной премии им. митрополита Макария, и оказала определенное (до сих пор едва ли исследованное) влияние на дальнейшее развитие православной богословской мысли XX в. Предложенный Поповым портрет блж. Августина также примечателен тем, что при его составлении им критически разбирались и иные подходы к анализу личности христианского апологета, в частности, в вышедшей двумя с половиной десятилетиями ранее монографии Трубецкого. По итогу, мы можем говорить о наличии в русской «августиниане» кон. XIX — нач. XX в. как минимум двух отличных историко-философских подходов к изучению личности гиппонского епископа.

2

Если обратиться теперь подробнее к труду об Августине Е. Н. Трубецкого, то в первую очередь бросится в глаза то, что главное значение в вопросе формирования августинова мировоззрения им отдается именно внешним факторам — исторической эпохе, африканской среде, воспитанию в семье и т. д. Это объясняется тем, что русский философ ставил перед собой задачу показать предпосылки для формирования латинского теократического идеала уже в сочинениях Августина, который в свою очередь стал выразителем тенденций, сложившихся в Западной Римской империи конца IV–V вв.

Отдельное внимание Трубецкой обращает на двойственную христианско-языческую среду, в которой рос Августин, видя в нем типичное воплощение контрастов североафриканской общины того времени, и противоречивость духовного наследия отца Церкви, на которую указывают многие его исследователи, он считает продолжением раздвоения тогдашнего общества Северной Африки. Эти североафриканские контрасты, по мнению Трубецкого, Августин наблюдал с самого рождения в своей родной семье, будучи «сыном развратного африканца-язычника и христианской святой» [2, с. 21]. Современный исследователь В. М. Тюленев замечает, что, действительно, изучение семьи Августина позволяет нам говорить о сочетании в нем двух социокультурных стратегий, однако, именно мать Августина, Монику, следует считать носительницей «африканской» идентичности, в то время как его отец избрал пути романизации

---

* П. В. Ходзинский предполагает, что план не сохранившегося второго тома труда Попова гипотетически должен был соответствовать его плану изложения учения Августина из лекций по патрологии см.: [4, с. 58].

** Насколько можно судить, за исключением уже упомянутой статьи 2022 года прот. Павла Хондзинского «Портрет учителя Запада в интерьере синодальной эпохи: диссертация И. В. Попова о блаженном Августине» на сегодня об «Августине» Попова не написано отдельных работ на русском или других языках.

для себя и для сына [см. 3, с. 45–46]. Ряд зарубежных специалистов даже полагают, что можно говорить о близости св. Моники донатизму [см. 9, р. 159].

Далее, описывая жизненный путь Августина, Евгений Трубецкой разделяет известную точку зрения на личность учителя Церкви, согласно которой тот до своего крещения вел распущенную греховную жизнь, «повторя грехи своего рода, где целомудрие считалось чем-то постыдным» [2, с. 23]. Философ замечает, что испытанная в молодости сила злого начала наложила серьезный след на все дальнейшее мировосприятие Августина в виде чувства тяжелого родового и социального греха, довлеющего над человеческим существом, но вместе с тем от матери у него сохранился и особый опыт христианской благодати. Как пишет Трубецкой, после страстной молодости в жизни Августина резко наступил перелом в сторону острого пессимистического мироощущения, но он не уточняет конкретную причину такой перемены в характере Августина. Г. Чедвик полагает, что глубокая депрессия будущего христианского теолога была вызвана смертью близкого друга, из-за чего большую часть жизни его преследовал страх потерять друзей [см. 7, р. 12].

Во второй половине главы русский философ кратко касается наиболее важных событий, повлиявших на формирование мировоззрения Августина. Первым из них стало чтение цицероновского «Гортензия», благодаря которому в Августине складывается сознательная любовь к мудрости. К манихейству, по мнению Трубецкой, помимо пессимистичной дуалистической картины мира Августина привлек их рационализм, попытка дать разумное объяснение действительности вместо опоры на авторитет, и чувственно-фантастический характер их системы, соответствовавший горячему африканскому темпераменту будущего учителя Церкви. Но в конечном счете тот не нашел в их учении возможности спасения для человека, и тем более для всей общественной и вселенской организации.

Следующим большим увлечением в жизни Августина становится скептицизм — он признает правоту сомнений Новой академии в познавательных способностях человека. Однако, Трубецкой подчеркивает, что у Августина это был не абсолютный скептицизм, а «лишь временное и притом непродолжительное состояние колебаний и нерешительности» [2, с. 38], послужившее будущему христианскому проповеднику в качестве переходной ступени к неоплатонизму. Оценивая неоплатонические элементы системы Августина, Трубецкой приходит к выводу, что тот не становится в полной мере платоником, как и прежде скептиком. От них его отталкивала обезличенность божества, которое не приходит на помощь нуждающимся и не прощает прегрешений. Поэтому от неоплатонизма Августин, наконец, приходит к христианству и Церкви. Решающую же роль в деле перехода Августина в христианство сыграла фигура св. Амвросия Медиоланского. По мнению Трубецкого, именно св. Амвросий становится для Августина конкретным историческим воплощением христианской идеи и олицетворением могучей церковной организации.

В результате, как считает Евгений Трубецкой, мировоззренческое развитие Августина совершает полный круг, вернувшись к тридцати годам к христианскому мировосприятию, зерна которого были посажены еще в его детстве св. Моникой. Но весь пройденный им путь не остался бесследным, и уже

у Августина-христианина правовед находит противоречия платоновского дуализма, пессимизм манихейской картины мира и определенные элементы римского языческого права. Это позволяет отечественному автору заключить, что двойственность личности Августина соответствовала автору двойственности окружавшей его христианско-языческой среды, и что «Августин гораздо симпатичнее в своей «Исповеди», чем в своем учении: он привлекательнее в том, что он искал, чем в том, что он нашел» [2, с. 212].

3

В отличие от кн. Е. Н. Трубецкого, профессор МДА Иван Васильевич Попов отнесся к фигуре великого мыслителя христианского Запада с большей теплотой и одобрением, хотя, конечно, православному ученому были ближе тексты учителей Восточной Церкви. Он делает вывод, что только поистине гениальная личность могла в такой степени определить облик будущего, поэтому, не изучив личностные особенности Августина*, невозможно понять его систему. И если Трубецкой обращает в первую очередь на внешние факторы, то для Попова решающую роль играет оригинальность и самобытность психологического склада Августина, его врожденная наблюдательность, впечатлительность и способность к интроспекции [см. 4, с. 56–57], поскольку все что по ходу жизни было им пережито или изучено, «проходило через горнило его духа и получало печать его индивидуальности» [1, с. 7].

И. В. Попов выделяет три элемента, из которых складывается любая личность: прирожденный характер, воспитание и личные усилия и рассматривает каждую из этих сторон применительно к христианскому мыслителю. Помимо рефлексивности в числе главных черт характера Аврелия Августина Поповым называются: сентиментальность и нежность его эмоциональной жизни; врожденные правдивость и искренность; дружелюбие; тонкое эстетическое чувство; наконец, господствующее место в его внутренней жизни занимали чувство любви и жажда полноты бытия. Именно страстная жажда жизни, по мнению российского ученого, стала движущей идеей его философии: от поиска счастья в земной действительности к учению о высшем едином Благе.

Далее патролог разбирает вопрос влияния на Августина воспитания и различных впечатлений, полученных в детстве. В противовес Трубецкому Попов придерживается точки зрения, что внешняя жизнь Августина протекала без значительных потрясений и разочарований. Он критикует подход историков, пытающихся объяснить религиозную драму блаженного Августина двойственностью языческо-христианских влияний и общественными контрастами, под впечатлением которых тот рос, прямо ссылаясь на книгу Трубецкого, — «К сожалению, эта заманчивая и многообещающая концепция не находит для себя оправдания в «Исповеди» блж. Августина» [1, с. 39].

---

* П. В. Хондзинский указывает на непосредственную близость Попова петербургской психологической школе нового богословия и влияние на него в годы учебы в МДА фигуры вл. Антония (Храповицкого) см.: [4, с. 65].

Еще одним принципиальным отличием от Трубецкого у Попова, исследующего философские взгляды Августина прежде всего с позиций православного богословия, является точка зрения, что будущий епископ никогда не был убежденным язычником. По мнению Попова, в вопросах веры колебания Августина по ходу жизни касались только вопроса о природе Богочеловека и свойствах божественной субстанции. Более того, он настаивает, что основы христианской веры всегда теплились в недрах души Августина, и поэтому богослов никогда не был совершенно неверующим.

Переходя к анализу жизненного пути Августина, Попов, как и Трубецкой, поворотным моментом называет чтение в девятнадцатилетнем возрасте Цицероновского «Гортензия». До этого основной мотив жизненных устремлений богослова, по его оценке, составляли ярко выраженная чувственность, гордыня и тщеславие. П. Браун в своей известной биографии Августина также обращает внимание на то, что тот рос очень впечатлительным юношей, остро желавшим, чтобы его приняли сверстники [см. 6, р. 23]. Впрочем, Попов не склонен рисовать этот период в совсем мрачных чертах, замечая, что в прежних биографических сочинениях излишне сгущают краски, говоря о «развратной молодости» Августина.

Главной причиной перехода Августина в манихейство Попов называет обещания ими глубоких религиозных откровений, причем обоснованных рационально, но считает при этом, что одним рационалистическим характером их учения нельзя объяснить столь продолжительное пребывание отца Церкви в данной секте — в этом месте он также напрямую спорит с выводами Трубецкого, ссылаясь на то, что в своих апологетических текстах гиппонский епископ прямо пишет о том, что обещания манихеев о рациональной системе были ложны**.

Пережив религиозное разочарование, Августин приходит к скептицизму — здесь Попов, наконец, солидарен с Трубецким, что скептицизм отца Церкви не был глубоким, и потому тот сумел довольно быстро его преодолеть. Психологические опоры скептицизма пали под влиянием личности св. Амвросия, а философские под действием неоплатонизма. Русский историк Церкви признает огромное влияние неоплатонизма практически на все аспекты философии Августина, но наиболее важным для развития его личности он определяет то, что благодаря неоплатоникам тот «научился выделять руководящие принципы познания и мыслить их в виде совершенно отвлеченных идей» [1, с. 142]. Овладев неоплатоническим методом анализа, Августин сумел проникнуть внутрь самого себя и там обнаружить Свет Истины, отождествив Истину, как руководящий принцип познания, с Богом.

Помимо этого, Попов отмечает, что к достижению тридцатилетнего возраста постепенно ослабевают черты характера Августина, довлевшие над ним в юношеские годы — неумеренность, гордыня, честолюбие и нетерпеливость.

---

* На наш взгляд Попов не совсем прав, говоря о том, что Августина в манихействе привлекала одна отрицательная сторона. Как пишет современный биограф Августина Дж. О'Доннелл, манихейство было по-настоящему страстным религиозным переживанием в его жизни см.: [10, р. 47].

Из состояния душевной усталости его вывело знакомство с неоплатонической философией, а после с текстом посланий апостола Павла. Попов обращает внимание, что именно благодаря им Августин сумел решить для себя последний момент, смущавший его в учении кафолической Церкви — принять идею Боговоплощения и проникнуться любовью ко Христу. «Полюбив Бога, блж. Августин нашел в Нем счастье и успокоение. Блаженное успокоение в любви к Богу и составляет содержание его новой личности» [1, с. 206], — заключает Попов.

Таким образом, если подводить итог сравнению подходов Трубецкого и Попова к изучению личности и учения блж. Августина, обоих авторов, помимо применения историко-генетического метода для изложения религиозно-философского мирозерцания Августина, объединяло желание целостно представить личность великого христианского мыслителя. Но если в работе Попова это обусловлено отказом от объяснения религиозной драмы Августина влиянием внешних факторов, желанием показать, что с детства «основные истины христианской веры глубоко коренились в его душе и из ее недр руководили его мышлением и волей» [1, с. 43], то у Трубецкого Августин является цельной личностью в своих противоречиях. Исходя из идеи социальной обусловленности взглядов Августина, философ приходит к выводу, что система Августина «до известной степени была навязана ему историей» [2, с. 211], нередко вступая в противоречие с его внутренним религиозным чувством.

В заключение, отметим, что оба труда Е. Н. Трубецкого и И. В. Попова, несомненно, выделяются из числа прочих отечественных книг конца XIX — начала XX века о великом учителе Церкви своей обстоятельностью и оригинальностью и заслуживают более пристального специального внимания современных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов И. В. Личность и учение блаженного Августина // Труды по патрологии. В 2-х т. Т. 2. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. — 776 с.
2. Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч. 1. Мирозерцание блаженного Августина. — М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. — 270 с.
3. Тюленев В. М. «Две Африки»: отражение конфликта идентичностей в текстах Аврелия Августина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 3 (40). — С. 36–58.
4. Хондзинский П., прот. Портрет учителя Запада в интерьере синодальной эпохи: диссертация И. В. Попова о блаженном Августине // Вопросы теологии. — 2022. — Т. 4. — № 1. — С. 54–70.
5. Хондзинский П., прот. Augustinus rossicus. Очерки русской августинианы XVIII — середина XX в. // Августин Гиппонский, блж. Творения: на латинском и русском языках. Т. 1. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. — С. 21–96.
6. Brown P. Augustine of Hippo: A Biography. — Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2000. — 548 p.
7. Chadwick H. Augustine of Hippo. A Life. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 198 p.

8. Heyking J. V. *Augustine and Politics as Longing in the World*. — Columbia, MO: University of Missouri Press, 2001. — 278 p.

9. Moore R. *O Mother, Where Art Thou? In Search of Saint Monnica // Feminist Interpretations of Augustine* / Ed. by J. C. Stark. — University Park, PA: Penn State University Press, 2007. — P. 147–166.

10. O'Donnell J. J. *Augustine: A New Biography*. — New York, NY: Harper Collins, 2005. — 414 p.